

7****

Эмбирель оборвала подол своего платья, чтобы тряпье больше не сковывало её движений, оставив что-то на подобии ободранной короткой юбки, открыла дверь на улицу.

Мрак, темнота... Ни одного огонька не мерцало в городе, утопленном во тьме. Ни одной звездочки на небе...

Девушка оторопела, всматриваясь ввысь широко раскрытыми глазами. Её зрение изменилось, оно позволяло видеть даже при отсутствии света.

Неба не было! Его место занимал свод огромной, поглотившей весь город, пещеры.

Когда это произошло? Когда она валялась в отключке во время своих приступов безумия? И сколько времени прошло? Сотни лет? Или же тысячелетия, раз успели образоваться огромные сталактиты?! Это всё какая-то... Магия?

За тысячи лет и даже сотни, Шарлей уже успел бы истлеть, но по его замершему состоянию казалось, что он умер, если так можно выразиться по отношению к городу, несколько дней назад, возможно, месяцев.

Эмбирель вновь вступила на проклятые, пропитанные отчаяньем и смертью, улицы когда-то родного города. Конечно, она могла бы просто вернуться в свой подвальчик, продолжать сходить с ума, постепенно теряя своё «я», спасаясь в безумии от мрачной реальности... Но она жива, и какой тогда смысл в том, что она всё вытерпела, в том, что она выживала, когда другие умирали?

В этой гигантской пещере должен быть выход. Девушка старалась гнать от себя мысли, что просто её клетка стала несколько больше.

Шаг вперёд. Второй. Чуть пошатываясь, Эмбирель брела куда-то наугад, и куда бы она ни шла - всё равно выйдет к той границе, где каменный свод пещеры смыкается с землёй, а там останется только найти проход, он обязательно есть.

Улицы поглотило безмолвие. Совсем недавно многоголосая речь, сливавшаяся в обыденный фон жизни Шарлея, заполняла город, затем на краткое мгновение в его многовековой истории она сменилась жуткой какофонией панических звуков, и вот наступило безмолвие. Но не абсолютная тишина.

Где-то на краю границы слышимости Эмбирель всё-таки улавливала странные непонятные отзвуки. Сложно их разобрать, да девушка и не желала знать, что же это.

Затих и ветер. Он больше не гонял потоки воздуха по длинным улицам, выдувая смрад и затхлость. Не гонял ошметки мусора.

Повсюду валялись обрывки ткани или просто разорванная одежда, валялись куски и кусочки бумаги, бутылки и осколки стекла, куски древесины. Следы недавней паники. Мусор некому убрать

Лежали тела. Изуродованные, покореженные и обглоданные, в лужах спекшейся крови, от которых тянулись вереницы кровавых нечеловеческих следов. Эмбирель старалась не думать, что с ней будет, если она повстречает монстра на своём пути, шла вдоль стен домов, будто надеясь вжаться в них в случае опасности.

Но мертвых тел не так уж и много по сравнению с количеством жителей, город-государство был поистине огромным и многолюдным. Может всё-таки большинству удалось спастись?

Гниющих человеческих останков становилось всё больше. Появилось какое-то шуршание, шебуршание, мелкие серые тельца осторожно, но деловито сновали меж мёртвых, забирались в складки тканей их одежды.

Эмбирель заставила себя унять дрожь. Должна ли её волновать крысиная трапеза? Этим людям всё равно уже не помочь.

Улица вышла на небольшую мощёную площадь со старой вытянутой церковью в её центре. Серый камень небольшого собора уже местами дал трещины от старости, но острые шпили всё еще гордо смотрели в небо, стараясь возвыситься над домами людей.

Мгновенье поколебавшись, Эмбирель оставила свое укрытие в виде стены и направилась к церкви.

Площадь завалена трупами. Девушка осторожно переступала через них, стараясь найти хоть немного свободного пространства на брусчатке.

За порогом, внутри холодных каменных стен, тел еще больше. С застывшим на лицах отчаянием и ужасом в стеклянных глазах, они грудями разбросаны повсюду: на деревянных скамьях и в проходах, под большим деревянным крестом, обвитым декоративным терновым венком. Некоторые держались за руки, а женщины заключали в объятия своих детей в четной попытке защитить.

Религия в Шарлее уже почти век, как считалась пережитком прошлого. Вера во Всевышнего есть ни что иное, как древние сказки, призванные держать народ в повиновении, заставляя придерживаться сложившихся моральных норм. На первый план для жителей города вышел культ человека. Именно человек – вершина мира, именно он наделён интеллектом, наделён способностями исследовать и изучать, изобретать. Человек подчиняет себе мир, а его изобретения и есть истинное творение. Ну а высшие среди равных – аристократы, лидеры, обладающие способностью вести человечество за собой к процветанию. Религия... Религия и вера удел выживших из ума стариков, да разных душевнобольных.

Как же много людей забилось в эту церковь...

Эмбирель старалась не смотреть на мёртвых. Взгляд её приковала большая гранитная купель – круглая неглубокая ванна на постаменте с каменными ступенями. Крест возвышался прямо над ней.

Несколько тел лежало на окровавленных ступенях, но никто так и не осквернил чистой и прозрачной холодной воды.

Девушка сорвала с себя остатки одежды, обнажив грязную потемневшую кожу. Каждой частичкой своего тела она ощущала грязь и липкое и тягучее отвращение.

Эмбирель поднялась по ступеням и шагнула в купель. Волны пошли по до этого недвижимой, будто стеклянной, водной глади. Воды чуть выше колена, но этого достаточно, девушка опустилась на дно, подперев спиной гранитный край.

Чёрные разводы потянулись в разные стороны. Эмбирель зачерпнула воду ладонями и омыла своё лицо. Затем шею, плечи, наслаждаясь тонкими ледяными струйками. Стараясь стереть грязь, пот и кровь, ладони проскользили по обнажённым грудям к рёбрам. Пальцы коснулись промежности.

Девушка сгорбилась, сжалась, её лицо исказилось напряжением, из зажмуренных глаз потекли слёзы, а из груди вырвался сдавленный не то стон, не то визг отчаяния, эхом разлетевшийся по каменным стенам, разрывая мёртвую тишину. В сознание ворвались недавние воспоминания. Она старалась, хотела очистить себя от скверны, но понимала, что скверна теперь навсегда останется внутри неё.

Прошло не мало времени, прежде чем Эмбирель удалось унять свою истерику, судорожные подёргивания всего её тела. Девушка, тяжело дыша, смогла расслабиться в помутневшей воде. Еще немного в этом спокойном и безмятежном месте, в гранитной купели под деревянным крестом среди груды мёртвых тел.

Эмбирель подняла взгляд на крест. В чём их вина? В чём, Господи, её вина?! Бог отвернулся от людей за то, что они утратили веру? Но почему же её наказание оказалось в сто крат суровей? Все ушли, а она осталась страдать в одиночестве.

Ответом на вопросы было лишь молчание мёртвых.

Девушка заставила себя подняться на ноги, все сильнее проявлялось чувство голода. Внешнее ощущение грязи, брезгливого отвращения, прошло, но внутреннее никуда не делось, с ним придётся смириться.

Но душа твоя чиста, просто отправься вслед за всеми.

Эмбирель вышла из купели, оставив после себя помутневшую, грязную жидкость, от девственной чистоты не осталось и следа.

К своей старой рваной одежде она не прикоснулась, даже не посмотрела на неё, подняла какую-то бесхозную церковную накидку, чтобы прикрыть наготу. Хотя от кого прятать?

Старая церковь так и не дала ни спасения людям, ни ответов. Девушка покинула её, не желая больше того покоя в компании мертвецов.

Вернулся проклятый голод, тот самый, что сводил сума, лишал воли и разума. Эмбирель в страхе ускорила шаг, уже не заботясь о телах под своими ногами. Запинаясь и почти теряя равновесие, она покинула площадь.

Скорее найти открытую дверь, найти еду! Девушка вбежала в чей-то дом, пустой и брошенный, хозяева верно в спешке покинули своё жилище. Небольшая квартира простого рабочего, небогатое убранство, скудный интерьер, ни в какое сравнение с её собственным домом. Всё это неважно. Важно, что она нашла то, что искала!

В маленькой трапезной рядом с кладовой на столе лежал хлеб, на полках – вяленое мясо, какие-то овощи, стоял глиняный графин с водой.

Эмбирель жадно пихала себе в рот чёрствые куски, запивая водой, чтобы проще было их проглатывать. Вслед за хлебом настал черёд мяса. От благородной дочери аристократа не осталось и следа, не было той гордой неторопливости присущей трапезам высшего сословия.

Девушка, с одичалой жадностью вгрызаясь зубами, не ощущая вкуса, поглощала всю еду, которую могла найти, боясь возвращения безумия, но так и не могла насытиться. Сколько бы она не ела, голод не пропадал, требуя всё новые и новые порции, только становился сильнее.

Её тело не выдержало, не смогло больше принимать в себя. Эмбирель согнулась, со страшными мучениями вылёвывая все, что успела проглотить.

Паника вновь стала заполнять сознание, когда она услышала шипение. Девушка замерла, переведя испуганный взгляд широко раскрытых глаз на появившуюся кошку, та видимо имела свои виды на лежавшее здесь мясо.

Эмбирель неторопливо поднялась с пола, пристально следя за животным, вытерла тканью остатки кровавой рвоты с губ. Кошка, выгнув спину, взъерошив шерсть и агрессивно шипя, так же пристально смотрела в сторону девушки.

Прошло несколько мгновений. Эмбирель с диким остервенением бросилась за своей добычей. Да, именно так она сейчас рассматривала несчастное пушистое существо. Дыхание сбилось от предвкушения, стол и стулья с грохотом полетели в стороны: они мешались на пути. Церковная накидка взметнулась в воздух за спиной. Не ожидая собственной резвости, девушка не удержала равновесие, с последним усилием сделала рывок вперед, прежде чем растянуться на полу. Пальцы схватили воздух, где только что находилась кошка, но та уже сбежала, скрывшись во тьме дверного проёма. Эмбирель проводила взглядом мерцающий огонёк.

Нужно успокоиться, она ничего не добьётся, если будет паниковать. Терпеть. Ей необходимо терпеть.

Девушка, с трудом и пошатываясь, встала на ноги. Она чувствовала - безумие уже совсем близко.

Эмбирель вышла к лестнице, ведущей на крышу трёхэтажного дома, поднялась. Сверху

открывался вид на улицу.

Чем сильнее нарастал голод, тем ярче и отчётливее становились мерцающие огоньки живых существ. Осознание этого помогло ей удержаться на границе безумия, робкая надежда сохраняла мысли, подпитывала волю.

Вот они – огоньки, колеблются в такт сердцебиениям. Жизнь, оказывается, еще не полностью покинула этот город.

Эмбирель нашла то, что искала. Мерцание, чуть сильнее, чем у остальных. Брошенный пёс, неизвестно как выживший в наступившем аду, прятался, зарывшись в кучу мусора.

В предвкушении, уже теряя рассудок, девушка торопливо сбежала вниз по лестнице. Озираясь по сторонам в страхе, что ей могут помешать, подошла к убежищу несчастного животного. Раздалось предупреждающее рычание, но какое-то неуверенное, будто готовое сорваться на панический визг.

- Тише-тише, - улыбнулась Эмбирель, доверительно протягивая вперед руку. – Ты больше не один. Меня не надо бояться, я ведь такая же. Все они бросили нас, так останемся вместе, вдвоём...

То ли пёс действительно поверил девушке, то ли его манил запах мяса оставшийся на её руках, но животное всё же выбралось из мусора. Недоверчиво принюхиваясь, оно приблизилось к девушке, готовое в любой момент рвануться и убежать. Запах еды манил.

Эмбирель позволила псу, небольшой дворняге, обнюхать свою ладонь, погладила по голове, почесав за ухом, потрепала по загривку.

Резко схватила, сдавив руками шерстистую шею, повалила, на землю, стараясь скорее задуть, сломать позвонки, со своей возникшей из неоткуда сверхчеловеческой силой.

В разные стороны по улице разлетелся визг отчаяния, он отражался от стен домов, проникал в подворотни и переулки, разносил весть о том, что здесь еще остались живые.

Эмбирель вгрызлась в шкуру, оторвала зубами кусок, чтобы вновь погрузить их в горячую сладкую плоть. Собака дёргалась в её руках и выла, брызги крови вновь оросили недавно отмытую кожу. Пёс захрипел, последний раз судорожно дёрнулся, чтобы успокоиться уже навсегда.

Девушка рвала плоть, яростно и суетливо отрывала куски, чтобы ублажить своего нового хозяина – голод. Нужно скорее закончить трапезу, скорее убраться с этого места. Кого могли приманить раздававшиеся здесь звуки? Эмбирель не могла остановиться. Нужно есть, пока тепло жизни окончательно не покинуло это шерстистое тельце.

Как же сладка кровь на вкус! Она была расточительной, позволяя красным каплям бесполезно мараить землю.

Голод отступил, и сознание опять прояснилось. Девушка отшатнулась от мёртвой окровавленной собаки, засемила ногами, в страхе пытаясь отползти подальше. Нелепо уставилась на свои дрожащие руки, по локоть покрытые липкой кровью. Брызги попали на её обнажённую грудь, замарали живот и ноги. Но теперь это была чужая кровь.

Посмотри, в кого ты превратилась! Думаешь, если ты выберешься, то люди примут тебя?

Оставь. У тебя лишь один путь.

Эмбирель нелепо смотрела на свои руки, боясь прикоснуться ими к себе.

Насмешливое булькающее рычание вывело её из ступора. Чудовище, подобное тем, что были в особняке, подобное тем, что пристрелил Рендон, неторопливо приближалось, вертя своей отвратительной мордой.

<http://tl.rulate.ru/book/50602/1312437>